

Наталья Борисовна Горбачева
Жизнь – вечная
Серия «Рассказы о святых и верующих»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8155686
Наталья Горбачева. Жизнь – вечная: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084967-3*

Аннотация

Новая книга Натальи Горбачевой продолжает тему двух предыдущих сборников ее рассказов «Без любви жить нельзя» и «Мои друзья святые». Они о том, как душа постепенно становится верующей, как случайные события на ее пути восхождения к Богу, становятся необходимыми и закономерными. Известная писательница свидетельствуя о личном опыте, доступно и ясно преподносит серьезные духовные истины. Задевают за живое искренние рассказы о встречах автора с мудрыми людьми, которые в свое время перевернули ее жизненные представления, научили отвечать за свои слова и поступки.

Погружаясь в рассказы Натальи Горбачевой, читатель невольно сопереживает происходящему, беседует с героями книги, открывая новые грани души и задумываясь над собственной жизнью.

Содержание

К читателю	5
Чудовищные грибы	6
Теория вероятностей	10
Ассоль	19
Аннушка уже разлила масло	26
ТАСС уполномочен заявить	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Горбачева

Жизнь – вечная

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
номер Издательского совета – ИС Р 14-408-0816

К читателю

Новая книга известной писательницы Натальи Горбачевой продолжает важную тему двух ее предыдущих сборников рассказов¹ о том, как человеческая душа становится верующей и обретает духовный опыт. В продолжение земной жизни случаи к тому Творец в изобилии представляет всем людям, но далеко не каждый за чередой случайных и хаотических житейских обстоятельств различает Его призывы к вечной жизни... Писательница умело показывает, как «случайное» становится «необходимым» на пути восхождения души к Богу. Если не задумываться об особом писательском даре Н. Б. Горбачевой, ее можно назвать обычной мирячкой: она не монахиня, не супруга священника, не штатный «катехизатор» или «миссионер». Благодаря этому тон книги остается доверительным, автор говорит с читателем на понятном каждому языке и на примере житейских историй рассказывает о том, что всегда волнует: выбор между злом и добром, предательством и самопожертвованием, подлостью и благородством. Отдельная тема посвящена таланту: как распознать его в себе, проявить и направить на служение ближним и Богу, одним словом – не закопать в землю.

Современный человек растерян, введен в заблуждение обилием рекламы сытой и безответственной жизни, раздражен попытками навязать ему определенную веру или идеологию. Немудрено, что читатель негативно воспринимает тексты, написанные с позиции «учителя», обращенного к «ученикам». Рассказы Н. Б. Горбачевой, номинанта Патриаршей имени святых Кирилла и Мефодия премии 2014 года, менее всего являются вероучительными или нравственными беседами. Автор с очевидной ясностью свидетельствует о личном опыте, делится необходимыми наблюдениями. Не оставят равнодушными истории о встрече с людьми, которые меняли представления о жизни и сам ее вектор, разворачивающийся к Богу. В наше время молодежь ищет легких путей к славе, но мало кто задумывается, чем она оборачивается. Повествование о том, как автор поступала во ВГИК, мужественно преодолевала препятствия, не впадала в отчаяние, училась отвечать за свои поступки и писательский талант – несомненно заставит задуматься о том важном, что постепенно перестает быть ценностью в нашей жизни. Реален ли былинный богатырь Илья Муромец? Одно ли это лицо с преподобным Илией из Муромы – тема прекрасного рассказа, в котором герои – дети, мечтающие стать святыми. Для почитателей Пушкина документальное эссе автора о его смерти может стать настоящим откровением... Кто виноват в его смерти становится вполне очевидным.

Подлинный дар писателя, как думается, в том, чтобы в максимальной простоте и легкости повествования донести серьезные духовные истины. Н. Б. Горбачева обладает таким даром. Ее рассказы к тому же «объемны». Читая их, человек невольно ставит себя в предлагаемые обстоятельства, спорит или соглашается с автором, открывает новые грани своей души, во всяком случае, не остается равнодушным, перестает воспринимать жизнь, подобно многим сейчас, через компьютерную картинку. Пейзажи оживают, герои входят в жизнь читателя, слова проникают в душу и становятся тем семенем, которое в свое время даст плоды.

*Н. Н. Павлюченков, кандидат богословия, кандидат философских наук,
преподаватель миссионерского факультета ПСТГУ*

---

¹ «Без любви жить нельзя» и «Мои друзья святые».

Чудовищные грибы

Почему одни люди любят жить в деревне, а другие в городе, и ни за какие коврижки на деревенские просторы их не заманишь? Не стало, что ли, у человека сил от городской суеты оторваться? Или цивилизация совсем народ расслабила? Грустно идейному горожанину в «нецивилизованной» деревне: воды горячей нет, а за холодной на колодец далеко идти. Никакого спасения от комаров и злющих мух: до магазина, который только на станции, могут в кровь изгрызть. Автобус туда не ходит. Если нет собственной машины, остается только на велосипеде педали крутить, но с непривычки горожанину как бы инфаркт не схватить, а уж пѣхать десять километров туда и обратно – целый подвиг. Одним словом, отговорок тьма.

Вокруг моей деревенской дачи в Березове живописная красота средней полосы России: речка – сто шагов от дома, с лилиями и кувшинками, вокруг прозрачные боры и дубравы. И все равно трудно соблазнить городских друзей и знакомых полюбоваться ею, подышать родиной... Приедет кто – новая беда. В лес бояться со мной идти: вдруг заблудимся. И вообще, пока наберешь корзину грибов, все ноги обобьешь, а уж ягоды собирать – форменное наказание. Понаклоняйся-ка за каждой ягодкой, спина отвалится. Не в укор говорю. Жизненное наблюдение... Люди разные. Но интересно, почему так? Что для одного ясно, понятно и приятно, для другого – каторга. Тайна сия велика есть...

Поначалу я злилась, уговаривала и стыдила этих бояк, которые обделяют себя же, не радуют душу поистине божественной красотой. Но постепенно успокоилась. Помог мне преподобный Антоний Великий. Сохранился поучительный рассказ об этом великом чудотворце третьего века.

Авва Антоний в пору своих начальных подвижнических трудов впал в некое уныние оттого, что осознал, насколько велики глубины Божьего домостроительства.² Преподобный стал вопрошать: «Господи! Отчего некоторые из человеков достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны – другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и изобилуют всеми земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетою?» Долго был он занят этим размышлением, и пришел к нему глас: «Антоний! Внимай себе и не подвергай исследованию судеб Божиих, потому что это – душевредно, нет пользы испытывать суды Божии».

И я старалась больше не отвлекаться на душевредные исследования ни в малом, ни в большом: кто, и почему, и зачем?..

Если же, к моей огромной радости, кто-то соглашался в летнюю пору, как Меньшикова в Березове, навестить меня – я готовила гостям большую культурную программу: в бане с дубовыми вениками попарить, от души накормить грибами и ягодами, в лес не тянуть, ни-ни, только погулять по окрестностям. И надо сказать, такой прием запоминался надолго, грел души моих друзей в унылые зимние вечера...

Однажды ждала я в гости свою давнюю подругу. Грибов-то я наобещала, да неоткуда им было взяться. После жаркого июля сушь стояла, никто и в лес-то не ходил.

Но дала слово накормить грибами – держи! Отправилась я в лес, побродила по ближним болотинам, но в них только и отыскиались несколько засушенных сыроежек. Что делать? Делать нечего. Только смириться. Я смирилась, но все же в сердцах помолилась: «Господи, ну пожалуйста, мне всего-то и нужно жарехи на среднюю сковородочку. Неужели во всем лесу не найдется такой малости...» Это скорее скулеж был, так хотелось мне дорогому гостю приятное сделать.

---

² Домостроительство Божественное (икономия) – осуществление Божественного замысла спасения человечества в истории.

На следующий день первый дождик прошел – пора бы уж, заждались. Но он только пыль прибил. Для грибов надо, чтобы не брызгало, а лило хотя бы неделю.

Ни с того ни с сего меня вдруг так потянуло в лес, что трудно было противиться... Зачем, не понятно. Но собралась. Не стала даже корзину брать, только сунула в карман два больших пакета – бересты набрать для печки. Давно собиралась: берестой лучше всего печку разжигать. Пошла я по дороге, вдоль которой много старых берез валялось. Нашла здоровущую, приноровилась сдирать с коры бересту. Рядом небольшое болотце было, в которое я два дня назад заглядывала: в нем даже мох высох. Непонятно зачем потянуло в него еще раз заглянуть.

Сделала я вглубь несколько шагов и ахнула: в болоте на каждой кочке стояли молоденькие подберезовички-черноголовики. Сказка! Я такого количества качественных грибов на единице площади не видела никогда. Первая мысль была: это чудо нужно всем показать. Невозможная красота... Но потом жаба стала душить: эдаких знатных грибочков можно сразу столько собрать, чтобы на всю зиму намариновать. До слез пожалела, что зов Божий не услышала, корзину не взяла... Высыпала бересту из пакетов и стала срезать черноголовики. Через полчаса оба были набиты доверху. Осталась всего пара кочек не обобранных – для развода. Если бы не они – никто не поверил, что такое здесь было.

Взяв в руки пакеты с трофейными грибами, я поняла, по-человечески рассуждая, что ноша неподъемная. Но если Бог послал, Он и донести поможет, поэтому часто вздыхала: «Господи, помоги донести, я ведь не могу Твой дар бросить, помоги...» До дома идти было сорок минут быстрым шагом, я волочилась часа два. Стараясь, чтобы меня не заметили, прокралась задами в свой двор: тут только бросила свою ношу на землю. Грибочки в пакете свой товарный вид наполовину потеряли. Решила пожарить и заморозить.

– Паш! Иди сюда! – позвала я племянника. Больше никого на даче не было.

– Теть, что это? – от удивления сделав круглые глаза, спросил подошедший Паша.

– Паша, тихо... – устало шепнула я. – Грибы, не видишь?

– Их же нет, теть!

– Для кого нет, а для кого есть... Завтра возьму тебя. Только – никому! Ничего! Ни слова! Усек?

– Так не бывает, теть!

– Все, молчи, неси, а то я рухну!

Паша подхватил пакеты, удивился больше прежнего:

– Теть, как ты все это доперла?

– Не знаю, – призналась я. – Чудовищные грибы. От слова «чудо»...

– Все у тебя непросто, теть, – задумчиво вздохнул Паша. – Я завтра в город поеду.

– Зря.

Вечером я отварила грибы, резать их рука не поднималась. Глупость, конечно. Грибы стали маленькими-маленькими, но набралось этих чудесных малявок с полведра. Перекрестила их и не стала вечером приставать к Паше с походом в лес. А вдруг в болотце грибов больше не будет? Засмеет ведь.

Утром я с опаской заглянула в ведро: чудовищные грибы не превратились в лягушек, не покрылись липкой паутиной, не растворились в пространстве. Значит, не обман...

– Паш! – крикнула я. – Собирайся, в лес пойдем.

Паша дрых без задних ног, еле растолкала его. Про отъезд в город он не вспоминал... Трудно найти подход к шестнадцатилетнему парню. Я стала откровенно льстить:

– Идти полчаса. Ведро грибов наберешь за четверть часа, на одном месте. Я тебе их замариную. Все будут тебя всю зиму хвалить и благодарить.

– Нет в лесу грибов, – ответил Паша. – Хочу спать.

– Паша, я покажу тебе заветную поляну, там есть. Честное пионерское.

– Не верю! – не так веско, как Станиславский, сказал Паша, зевнул и перевернулся на другой бок.

Я почувствовала слабость в его голосе, взмолилась: «Господи, помоги» – и завопила:

– Подъем! Подъем! Подъем!

– Не ори, тетя! Слышу. – Паша сел на кровати, снова зевнул и согласился: – Ладно, пошли. Но если там не будет грибов...

– То что?

– Значит, ты обманываешь маленьких, – ответила мне почти двухметровая детина.

До места назначения мы шли сосредоточенно молча. У каждого было по два полиэтиленовых ведра вместо корзин.

Можно будет, конечно, обратить все в шутку, думала я, если грибов в болотце не окажется. Но меня саму распирало от любопытства: что это было? Может, правда грибы везде появились? Тогда понятно... А если не появились? Тогда непонятно...

– Паш, ты в болоте-то молись, чтобы грибочки найти.

– Теть... – укоризненно сказал Паша. – Хватит уже!

– Паш, – в тон ему ответила я. – Пришли уже!

– Где-е-е-сь? – разочарованно протянул он, остановившись на краю болотца. – Издеваешься? Тыщи людей тут уже прошли.

– С какой бы стати здесь этим тыщам проходить? – спросила я с подозрением.

Болотце было, конечно, на виду, рядом с перекрестком двух больших лесных дорог. Это место так и называлось – Кресты.

– Я соседям вчера сказал, что ты грибов притащила.

– Зачем? Паш, просила же тебя...

– Для чистоты эксперимента, – ответил он.

– Дурень ты, Паша! И тайн тебе доверять нельзя.

– Тебе же соседи говорят, если грибы в лесу появились?!

– Ага... Когда уже весь поселок знает, – уточнила я и возрадовалась. Потому что увидела кочку с маленькими грибочками. – Ты, Паш, забирай правее! Через пятнадцать минут встречаемся здесь. Главное – молись и не бойсь. Привет!

И я шагнула в болотце. Он – тоже, повернулся спиной и, перескакивая с кочки на кочку, стал удаляться.

В моей стороне на одной кочке я срезала три десятка грибочков. На других росло не меньше десятка. Только успевай чикать ножичком черноголовки. Я смеялась: откуда взялись такие хорошенькие?

Вдруг буквально в десяти метрах от меня пронеслись по дороге трое грибников. Я не успела пригнуться, но они в мою сторону и головы не повернули. Через некоторое время появилась еще парочка с корзинами и быстро удалилась. Обратит внимание на мое неказистое болото никому и в голову не приходило! Все чуть не вприпрыжку стремились к своим грибным местам – так соскучились грибники по делу. Ну что ж – помоги Бог!

– Теть! – услышала я невдалеке унылый голос.

– Что, Паш?

– У тебя есть?

– Почти ведро...

– А у меня ничего нету...

– Сказала же тебе: молись! – крикнула я.

– Как?

– Молись: Ангел Божий, покажи мне гриб! Понял?

Ответа не было. Несколько минут стояла тишина. Потом вдруг раздался победный крик:

– Теть! Теть!

Дело у Паши, видимо, пошло. Через полчаса мы встретились на условленном месте: у каждого было по два ведра первосортных черноголовиков.

– Теть! Ты обещала замариновать, – сказал довольный Паша.

– На свою голову... – засмеялась я. – Будешь помогать! Банки мыть.

– У меня же рука не влазит!

– Не бойсь, найду чем тебя занять.

Довольные, но совсем не усталые мы возвращались домой.

– Теть, я не понял... – вдруг сказал Паша. – Я ходил, не было грибов. А потом на тех же местах – и появились. Так не бывает!

– Ты, друг мой, видно, под другим ракурсом на них посмотрел, – предположила я.

– Под каким еще ракурсом?

– Молитвенным.

– Да... – задумался Паша и снова замолчал.

Хотелось, так хотелось мне вернуть что-нибудь проповедническое про чудо, про веру, про молитву. Как бы было к месту... Но я, как теперь понимаю, приняла мудрое решение и промолчала, предоставив племяннику возможность поразмыслить самому. Я в тот памятный день опытно и твердо познала духовную истину: Богу все возможно.³ Не только грибочки перед самым носом взрастить, но спасти человека в самых трудных обстоятельствах. Поверил ли в это Паша – жизнь покажет, она длинная, полосатая.

– Знаешь, что важно... – уже перед самым домом решила сказать я. – Я про ракурс... Молитва действительно чудеса творит. Только мы ею мало пользуемся и потому не замечаем этих чудес. А тут тебе, так сказать, наглядный пример...

– Да... теть... Как-то даже не по себе, – ответил задумчивый парень. – Кому рассказать – не поверят.

– Нет, не поверят, – согласилась я.

– Я тебе вообще-то наврал, каюсь, – вздохнул Паша. – Я не говорил соседям ничего.

– Да? – удивилась я. – А чего это они все в лес побежали, странно.

– Тебя, наверно, вчера кто-то увидел с грибами.

– Выходит, так...

Паша натаскал мне воды, на том и кончилась его помощь. Но ее особенно и не требовалось: грибочки были чистые и ни одного червивого. К ночи все они были под маринадом и сидели по трехлитровым банкам.

Потом вернулся Паша и сказал, что никто ни одного гриба из леса не принес.

На следующий день обещала приехать подруга. К долгожданной встрече теперь я была готова: имелись обещанные грибы – хоть жареные, хоть какие... Но она не приехала, что-то помешало. Вот это было жаль... «Знамения нужны не для верующих, но для неверных», – заверяет святитель Григорий Богослов. Не увидела подруга детства этого чуда и, может, поэтому до сих пор так и не перешла церковной ограды... А может, совсем не поэтому. Вспомнила я Антония Великого: «Внимай себе и не подвергай исследованию судеб Божиих» – и успокоилась.

---

³ «Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человекуам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19:25–26).

Теория вероятностей

Паша не вполне отдавал себе отчет, как одарил его Бог. Я, Пашина родная тетка и крестная мать, денно и нощно молилась о нем с самого младенчества, с первых сознательных лет рассказывала сынку о вере, объясняла заповеди, твердо призывала жить по-христиански. Много ли сейчас таких счастливиц? Тяжело все-таки усваивать истину: кому много дано, с того много и спросится.

Я родилась в России совсем в другое время, когда о Христе забыли, казалось, напрочь. Указывать путь к Нему было некому, каждый шаг давался с огромным трудом, кровью сердца. Но теперь, оглядываясь назад, в странных сцеплениях своей судьбы вижу явную руку Промысла Божия, который сам отсекал ненужное во мне, прививал необходимое, обучал истинному рассуждению, на все это давал мужество и настраивал на жизнь вечную...

Окончив математическую школу, я без труда поступила на мехмат университета. Дорожка была проторенной: родители инженеры, все их знакомые и друзья – инженеры, кем же мне еще быть, как не инженером? Училась без труда. Друзей и безобидных развлечений в пору моей молодости было полно – походы, выставки, самиздатовские книжки, веселые вечеринки почти без алкоголя – ну разве что с портвейном «777» для куражу. Водку надо было «доставать», а на это не было ни денег, ни времени. Слава Богу, что между СССР и Западом был железный занавес, это действительно надолго оградило основную учащуюся и работающую часть россиян «от тлетворного влияния»,⁴ от знания тех пороков, которые ныне знакомы и ребенку... Казалось, что чудесный студенческий капустник никогда не кончится. Взрослая жизнь маячила за далекими горами. Впрочем, в доперестроечное время мы не задумывались о будущем еще и потому, что перспектива была жестко задана триадами: октябрята, пионеры, комсомольцы; детство, юность, взрослая жизнь; работа, семья, дети. Все по-советски, все как у всех. Никаких отклонений не могло быть, так нас воспитывали.

Первым моим сознательным отклонением от советского жизненного курса стало твердое решение, что ради карьеры не вступлю в партию категорически. Почему оно возникло, не знаю. Отец занимал номенклатурную инженерную должность; ради нее он должен был закончить вечерний Университет марксизма-ленинизма. Книжки по «теории марксизма-ленинизма» бывали и дома. Заглядывая в них еще в школьные годы, я недоумевала: о чем это? Набор слов, который, по моей логике, ничего не доказывал. Был в той «теории» какой-то обман, но в чем он состоял, додуматься было трудно. Истинной истории страны мы не знали. Вся эта «ленинская идеология» стала предметом анекдотов – язвительных, но в «десятку» точно отражающих истинное положение вещей в стране. Кто их придумывал? Оставались же еще умные люди... До сих пор с удовольствием вспоминаю эти анекдоты.

Радио сообщает, что в стране изобилие продуктов, а наш холодильник пустой. В чем тут дело? – Включите холодильник в радиосеть.

Колонна медработников на Первомайской демонстрации несет плакат: «Советский паралич – самый прогрессивный в мире!»

Диктор Центрального телевидения сообщает: «Дорогие товарищи телезрители! Сегодня в 21.30 по первой продовольственной программе будет показан бутерброд с копченой колбасой».

Какие основные препятствия перед советским сельским хозяйством? Их четыре: весна, лето, осень и зима.

Свобода слова – это осознанная необходимость молчать.

---

⁴ «Более всего, друг, боясь кого-либо соблазнить; ибо добро в людях не твердо, оно едва стоит, даже когда и никто его не колеблет». (Преподобный Исидор Пелусиот.)

Семь чудес советской власти: безработицы нет, но никто не работает; никто не работает, но план выполняется; план выполняется, но купить нечего; купить нечего, но всюду очереди; всюду очереди, но мы на пороге изобилия; мы на пороге изобилия, но все недовольны; все недовольны, но голосуют «за».

Рабочего спрашивают, хорошие ли у них на заводе условия работы.

«Трудно, но выносим понемногу!» – ответил тот.

По радио часто звучала песня «Партия – наш рулевой». Я в этом сомневалась, но часто задумывалась: если не партия, то кто? Обязательно должен быть какой-то Рулевой, который упорядочивает жизнь на Земле, иначе был бы хаос. Ложь советского образа жизни чувствовали многие из моего окружения, но истину мало кто искал. Каждый приспособивался, как мог. На эту тему тоже анекдот был. «Порядочный человек – тот, кто при малой выгоде большой подлости не сделает». У кого были «связи» – пользовался ими, многие выдвигались «по комсомольской линии», «неудачники» без связей и комсомольского огонька отправлялись после универа по распределению тянуть лямку в глухую провинцию или городскую «контору кому нести чего куда» – какую-нибудь проектную организацию, в которой, как казалось, основными занятиями были чтение ежедневной прессы, обсуждение художественных новинок и фирменного культового барахла, которое удалось «достать», ежечасные чаепития, соревнование в кулинарных способностях, шитье, вязание, празднование дней рождения и других частных праздников. Подобное времяпрепровождение на работе в принципе всех устраивало. Как в анекдоте. Армянское радио спрашивают: «Верно ли, что в СССР оплата не соответствует работе?» – «Неверно. Соответствует. Они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем».

Три года я также «тянула лямку» в подобной конторе, пока не вылетела из нее пробкой. Именно пробкой, сама я вряд ли решилась бы кардинально изменить свою жизнь, когда по распределению попала в проектно-техническую «контору». Бог через обстоятельства жизни постепенно приближал меня к Себе, искусно пользуясь теми качествами характера, которые, казалось, трудно приспособить к духовным поискам. Но «невозможное человекам, возможно Богу».⁵ Дух авантюризма, который жил во мне с детства, сыграл решающую роль. Нет, никакой «чудесной» встречи с Богом не было. Путь к нему был на ощупь, долгий и временами трагический.

Я любила ездить «куда глаза глядят» и много путешествовала. В старших классах родители с удовольствием отправляли меня на школьных каникулах по каким-то путевкам, которые отец мог достать. А в универе про меня уже и поговорку сложили: «Натаха как наскребет три рубля – сразу билет на поезд покупает». Не только на поезд наскребала, но и на самолет... Хорошо помню, что в путешествиях я чего-то все время искала, но не могла понять – чего именно. Потом, когда уже нашла, я поняла, что все время искала «неведомого Бога»,⁶ про Которого тогда не от кого было услышать. А если не знаешь, чего ищешь, то как искать?

Свои поиски я обозначала тогда примерно так: хочу свободы. Но не диссидентской, как тогда было принято, а какой-то настоящей, безыдейной. Я часто ездила в Прибалтику, на Западную Украину – благо границ между «братскими республиками» не существовало. В советские времена казалось – там свобода! Там почти заграница! Там на домах не висели лозунги: «Коммунизм – есть Советская власть плюс электрификация всей страны», «Решения съезда партии – в жизнь!», «Экономика должна быть экономной», «Народ и партия едины». Поэтому мне казалось, что там нет ни «марксистско-ленинской философии», ни

---

⁵ Лк. 18:27.

⁶ «...Став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:22–23).

«научного коммунизма», там люди просто живут и работают, у них чисто, спокойно и красиво. Что человеку еще нужно?!

Два студенческих лета я работала в стройотряде проводников – ездили на Кавказ, в Крым, в Москву. Работа эта мне очень нравилась. В поезде готова была ехать хоть на край света, так все было интересно... В молодости можно было по три ночи не спать – и ничего! Сколько людей было встречено, сколько всего переговорено, сколько глупостей совершено... Наверно, это тоже была подготовка к писательскому служению, о котором я никогда даже не помышляла; один Бог знал, как этот жизненный опыт мне пригодится впоследствии. Деньги, заработанные в веселую студенческую пору собственным трудом, тоже дорогого стоили.

Начинался учебный год, и свобода передвижений резко сокращалась. Да и денег на поездки особенно не было. Свою стипендию по требованию родителей мне приходилось отдавать им. Сколько злости это вызывало у меня, ведь родители в деньгах совсем не нуждались... На карманные расходы мне оставляли десять рублей. Эта, как тогда казалось, несправедливость стала причиной моего желания устроиться на работу. Я не собиралась отказываться от путешествий: в каникулы куда-нибудь подальше, а по выходным частенько – километров за сто – двести от родного города. Обучаясь на дневном, подработку найти было трудно. Тогда это вообще было не принято, во всяком случае, молодым людям моего круга, у которых были «приличные» родители. Перечень подработок, о которых я знала, был невелик: уборщица в подъезде, грузчик и, собственно, все. Однажды на воротах университета я увидела объявление: требуются гардеробщицы в здание радиофака, и в тот же день пошла узнавать об условиях. Меня взяли на полставки – подавать пальто таким же, как я, студентам в соседнем корпусе. Когда меня узнавали свои, говорила, что «ведется эксперимент». Продлился он всего месяца два. Трудиться надо было раз в неделю, но в течение всего дня, так что приходилось пропускать занятия. И потом – не могла я не думать о престиже номенклатурного своего отца. Если кто-нибудь из его знакомых увидел бы меня в гардеробе радиофака, думаю, они бы не поняли моего безумного порыва... В общем с гардеробщицей не получилось.

Недалеко от моего дома было художественное училище, чуть подальше – университетская библиотека. Шла я, конечно, в библиотеку – на носу была курсовая, сделанная только наполовину. Вдруг бросилось мне в глаза объявление, написанное большими печатными буквами: требуется натурщица. Чуть ниже приписка: рубль в час. Я остановилась у дверей училища. Академический час – это сорок пять минут. Стало быть, за три часа реального времени можно получить целых четыре рубля. Замечу, что бутылка кефира тогда стоила двадцать восемь копеек. Ничего себе зарплата... Почти как у отца, который руководил большим научно-исследовательским институтом.

Заметив, что я замедлила шаг, меня стеной окружила молодежь, всегда толкавшаяся у входа в училище. Но в тот день молодежи было слишком много.

– Девушка, девушка, айда к нам в натурщицы, – захоравливали меня будущие художники. – У нас натурщица померла.

– Чокнутые, что ли? – огрызнулась я и ускорила шаг.

– Правда! У нас уроки срываются. Натурщицы нет... – неслось мне вслед.

В библиотеке я работать не могла: голове не давало покоя заманчивое словосочетание «четыре рубля». А за неделю двадцать рубчиков накапает. Можно будет съездить в Бухару и Самарканд, джинсы вельветовые у фарцы взять... Но не пострадает ли мой моральный облик – там поди голой надо стоять... А почему натурщица умерла? От страха или от стыда? В моем воображении вставал образ натурщицы, созданный по мотивам прочитанных книг: это или любовница великого художника, или падшая женщина. Я не была ни той, ни другой. Но

все равно интересно... Через час назойливые мысли заставили меня сдать книги и покинуть стены фундаментальной библиотеки.

На обратном пути я заметила, как юные художественные дарования у дверей училища пристают к прохожей. Та оказалась не робкого десятка, треснула по чьей-то голове сумочкой, пошла дальше. Настал мой черед, я не успела увернуться. Юнцы подскочили, снова сомкнулись вокруг стеной – ни пройти, ни проехать – и загалдели свое, поэтическое:

– Девушка, вы вернулись? О, счастье! К нам, бедным сиротам. Спасибо, спасибо! Вы гений чистой красоты!

– Брысь! – откликнулась я.

В этот момент в дверях училища показался импозантный дядя.

– Иван Всеволодыч! Вот, девушка хорошая... хочет к нам, – затараторили будущие художники. – Поговорите с ней!

Мужчина окинул меня заинтересованным взглядом.

– Ну что ж, пройдемте... – сказал он и галантно взял меня под руку.

Это была секунда, которая, может, перевернула всю мою дальнейшую судьбу. Взыграл во мне авантюристический мой дух, послала я куда подальше ленинскую идеологию с «тремя источниками и составными частями марксизма», вспомнила про Марксов «Капитал» и ринулась в капиталистки... Тогда это было ругательное слово.

Иван Всеволодович оказался деканом. В кабинете с белыми гипсовыми головами он спросил:

– Чем занимаетесь?

– Учусь...

– Угу... – задумался он. – На промэке?

– На промэке, – согласилась я.

На промышленно-экономическом факультете, на промэке, универа учились, как считалось, девушки красивые, в основном блондинки... то есть недалекие девицы, которые, однако, хотят выйти замуж за хорошего парня.

– Ну что ж... Сможете два раза в неделю по четыре часа?

Я молчала, потому что настроилась на ежедневный труд – за двадцать рублей.

– Нет, но если будет трудно, мы сократим, – стал уговаривать декан. – Понимаете, мы так нуждаемся в натурщицах, у нас только старые бабушки, профессионалки, которые начинали еще при царе Горохе. И вот одна умерла вчера... А таких свежих приятных лиц – днем с огнем...

– Почему же к вам не идут? – удивилась я.

– Не знаю, – ответил декан. Прищурился и добавил: – Несвободные люди у нас. Советские...

– То есть, я не советская...

– Что вы, что вы, я не это хотел сказать... – Он замахал руками. – Даже не знаю, что ответить. Не идут, и все! Не покидайте нас, прошу, Наташа... Рубль в час, хотя бабушкам по семьдесят копеек платим. Не бойтесь, на ваш промэк не сообщим.

– Надеюсь... Только раздеваться я не буду, – твердо сказала я.

– Нет-нет, голая натура – это совсем другие расценки. Мы вас в исторический костюм нарядим, – прищурился декан, разглядывая меня. – А можете прямо сейчас? Осталось полтора часа, запишем вам полный день.

– Четыре рубля?

– Да-да-да! – Он открыл дверь кабинета и крикнул: – Евстигнея, бегом!

Будь я маленькой девочкой – это был бы самый счастливый день моей жизни – одели меня так же нелепо, как рисуют принцесс эти самые маленькие девочки. В примерочной

Евстигней подобрала какой-то очень сложный костюм, к которому полагался головной убор с пером. Кажется, убор был мужского рода. В таком виде я зашла в класс. Юнцы ахнули.

Дело, оказывается, было не в самом наряде, а в игре красок, света и тени, золота и серебряной парчи. Старшекурсники писали меня маслом.

Что касается самой работы... Я быстро поняла, почему в натурщицы народ не рвался. Помимо всего прочего, простоять в течение четырех академических часов застывшей в одной позе – это не каждому под силу. Перерывы, конечно, были – три по пять минут. Преподаватель живописи, увидев меня, долго придумывал позу и на радостях придумал стоять, склонившись в глубоком реверансе.

Через пару недель я зашла в кабинет декана и сказала, что не могу работать. Иван Всеволодович подумал, наверно, что я шантажирую его и ответил со строгостью:

– Но больше рубля мы не можем платить. Аппетит приходит во время еды, да?

– Нет. Спина разламывается. Мне это надо? – с обидой произнесла я. – От вашего дурацкого реверанса скоро сломаюсь напополам.

– Какого реверанса? – не понял декан.

Я показала – какого...

– Это ты так четыре часа стояла? – удивился он.

– Как поставили, так и стояла, – с обидой ответила я.

– Ну, Николай Викентьич, живописец ты наш, обрадовался... придумал фигуру из трех пальцев, – смягчился декан и даже пропел. – Вжик, вжик, вжик, уноси готовенького! Чуть девочку не угробил. Так ты у нас достояние республики.

– Да ладно... – смутилась я.

– Мы ему попеняем... Этому ужасному Николаю Викентьевичу! Обязательно. Ну-ка встань в четвертую позицию.

Я встала: стопы на расстоянии развернуты в разные стороны, параллельно друг другу, руки: правая отведена в сторону, левая вверх.

– Ишь ты! – удивился декан. – Балетом, что ли, занималась?

– Ага, в детстве, четыре года. Даже балериной хотела стать.

– А потом?

– Потом раздумала. Решила податься в геологи, – сказала я и пропела: – «Ты уехала в знойные степи, я ушел на разведку в тайгу...»

– Понятно. Ветер в голове... Удобно так стоять? – спросил он.

– Терпимо...

– А теперь, значит, на промэке учишься.

– На промэке, – подтвердила я.

– Далеко пойдешь, – почему-то сказал декан. – На нашем четвертом курсе будешь теперь работать.

– А как же мои ребята, они уже начали писать...

– Как начали, так и закончат, – он внимательно глянул на меня. – Рано им еще таких красавиц рисовать.

Сердце мое упало: теперь начнет приставать...

– Я пошла?

– Давай! – махнул рукой декан и сразу забыл обо мне, набрал номер телефона, заговорил о каких-то делах... – Ты еще здесь? – повернулся ко мне. – Марш отсюда, чего подслушиваешь?..

Я вышла из кабинета и передразнила его: «На промэке, на промэке...» Да на промэке девицы по три часа могут только глаза красить.

Так я, советская студентка мехмата, стала натурщицей. Между прочим, любимой... Но не отдельным великим художником, а целой полусотней начинающих дарований. Не смешно

ли? Преподаватели стали ставить меня в пример нерадивым студентам: какая я ответственная, занятий не пропускаю, прихожу вовремя, поблажек себе не даю, мол, устала или надоело, хотя такая же молодая, как и они, и тоже, наверно, хочется погулять.

– Да она больная на голову, – однажды высказался один кандидат на вылет из училища. – Все при ней, а она дурью мается. Потому что замуж никто не берет!

Реакция последовала незамедлительно. «Кандидата» вытолкали из класса и не пускали до тех пор, пока тот не извинился передо мной. Счастливым было время... Студенты училища воспринимали мою красоту как категорию эстетическую, идеальную, то есть как источник чистого вдохновения.

Мне и до этого говорили, что я красивая, в меня влюблялись, это был известный факт. Но верно подмечено: не родись красивой, родись счастливой. «Кандидат» в принципе был прав. Многие мои однокурсницы, особенно приехавшие из деревни, уже выскочили замуж, а меня никто не брал. И мои путешествия, по правде, были в какой-то степени поисками не только свободы, но и «принца на белом коне». Может, моя планка была слишком высока... Но кто внушил мне ее? Кто заставлял искать какого-то неведомого идеального Жениха? Искать и найти...

На «живописи» или «рисунке» я, что называется, разинув уши вслушивалась в замечания преподавателей, вникала в их умные учительные мысли, в перерывах подходила к мольбертам и искала в изображениях те ошибки, которые они критиковали. Мне все нравилось, казалось, что все рисуют или пишут прекрасно. Стало даже как-то обидно, что я совсем, ну совсем не могу рисовать. Почему такая несправедливость на свете...

У меня вдруг появился интерес к жизни известных художников. До того я читала только проверенную литературную классику, теперь в фундаментальной библиотеке помимо спецлитературы стала выписывать жизнеописания великих; эти книги выдавали только в читалку. Стало некогда писать курсовые... Но все-таки я сдавала их в срок... У нашего воспитанного при советской власти поколения, как ни странно, оставалось понятие долга.

Работа натурщицей – это была моя тайна, о которой не знал никто, кроме моей близкой подруги. Родители думали, что у меня наконец появился молодой человек – где еще можно было пропадать целыми вечерами? Весь второй семестр предпоследнего курса я приходила домой очень поздно и валилась с ног от усталости. Утром и днем – универ, вечером – училище. Домашние задания списывала – не было времени их делать, да и как-то стал гаснуть интерес к избранной профессии математика. Я не понимала, почему...

Представилось вдруг, что встречу какого-нибудь художественного гения – мало ли? И стану его музой. Лети в тартарары мое инженерное будущее. Ради искусства не жалко. Тяжелое дело стоять в застывшей позе три часа, да еще концентрировать взгляд в одной точке. Все это время надо было занимать еще и мозги: невозможно же три часа ни о чем не думать. Вот, видимо, тогда я и додумалась до этой самой музыки гения. Но где я его встречу?.. Может, кто-то порекомендует ему меня, как хорошую добросовестную натурщицу, а может, он заглянет на урок живописи, а там я стою... В сущности, в голове был сплошной мусор. Но есть же хоть миллионная вероятность такой встречи. По теории вероятности. Это наука, которую изучали на мехмате: она позволяет по вероятностям одних случайных событий находить вероятности других случайных событий, связанных каким-либо образом с первыми. Случайно я попала в училище, значит, это как-то связано со случайными событиями дальнейшей моей судьбы...

«Отстояв» на подиуме два месяца, я устала до изнеможения. Не за горами была летняя сессия, и так хотелось уже оставить свой тяжелый физический труд, и только эта самая миллионная вероятность не давала мне покоя. Если я уйду, может, пропущу свой шанс удивительной встречи?..

Однажды декан поймал меня в коридоре и как-то загадочно попросил:

– Зайди, пожалуйста, в кабинет.